

Объ одной книжкѣ.

Германецъ, если онъ «наци», можетъ не возбуждать въ насъ никакихъ особенныхъ чувствъ. Другое дѣло, когда такимъ «националистомъ» становится русскій, постепенно вбирая въ себя характерныя черты известной «идеологій». Заранѣе можно сказать, что это человѣкъ или вообще не способный относиться съ пониманіемъ и уваженіемъ къ русскимъ культурнымъ цѣнностямъ, или потерявшій эту способность. Эти цѣнности — явленія и люди — годятся ему лишь для того, чтобы «использовать» то или другое имя, искаживъ образъ человѣка, его носившаго.

Примѣръ такого использования — берлинская тоненькая книжка «Розановъ въ послѣдніе годы» неизвѣстнаго русскаго автора. Задача ясна: показать, что «Розановъ — нашъ!», такъ какъ былъ яростнымъ «антисемитомъ» и «православнымъ».

Съ авторомъ я, конечно, разговаривать не буду. Но хочу обратиться къ тѣмъ, кому книжка попадетъ въ руки и кто Розанова, можетъ быть, мало знаютъ (кто нынче — что знаетъ!). Не защитите Розанова передъ ними хочу я, а скорѣе ихъ защитить отъ искаженнаго образа одного изъ гениальныхъ нашихъ писателей, притомъ исключительно своеобразнаго. Я, конечно, понимаю, что о такомъ сложномъ явленіи, какъ Розановъ въ нѣсколькихъ строкахъ не расскажешь. Ограничусь, поэтому, самымъ главнымъ, безъ чего къ Розанову подойти нельзя, и что надо помнить: это былъ человѣкъ величайшихъ и самыхъ рѣдкихъ внутреннихъ **антиномій** («ноуменальныхъ», какъ онъ онъ говорилъ). А при томъ необходимо еще знать, что писанье у него было не писательствомъ, а, по его выраженію, функцией, какъ бы дыханьемъ, «выговариваніемъ» полноты ощущенья каждой своей минуты. Такъ онъ самъ опредѣлялъ; и потому «стиль» его (если это стиль) воистину не подражаемъ: читаешь не разсужденія писателя, а слышишь человѣчскій голосъ. («Развѣ я разсуждаю? Я только плачу и смѣюсь».)

Если, при глубинѣ антиномичности, «выговаривается» у него каждая его минута, — не ясно ли, что ловкимъ подборомъ цитатъ можно сдѣлать изъ Розанова что угодно?

Вотъ еврейскій вопросъ. Всю жизнь Розановъ ходилъ около евреевъ, какъ замороженный. Не забудемъ: весь онъ жилъ только Богомъ — и міромъ, Его плотью, Его теплотой. Въ еврейской религій для Розанова такъ ощутительна была связь Бога съ плотью міра, съ поломъ, съ рожденіемъ, что евреи не могли его не влечь къ себѣ. Онъ былъ къ евреямъ «страстенъ»... часто пристрастенъ.

А Христось? Къ Личности Его онъ тоже былъ страстенъ. Тоже, какъ къ евреямъ, то прилипалъ — то отталкивался отъ Него. Онъ, казалось Розанову, обидѣлъ людей, отнял у міра его свѣтлость и теплоту. Выгналъ изъ дома въ стужу: иди, не оглядываясь, оставь жену, мать, дѣтей... Отеюда его христовборчество, книга «Темный Ликъ».

Церковь? Православіе? Духовные отцы считали его «еретикомъ», иные «безбожникомъ», но относились къ нему съ благодушной приязнью: онъ любилъ плоть Церкви (обряды), жена такая православная; самъ Розановъ, пророчески предсказавъ, что умретъ «съ ними», добавилъ: «...конечно, духовенство мнѣ всёхъ (сословія) милѣе... Но, среди нихъ умирая, я все-же умру съ какой то мукой о нихъ».

И вотъ мое послѣднее утвержденіе: Розановъ, какимъ всю жизнь былъ — такимъ и остался до смертной минуты. Внешнія катастрофы, и тяжкія личныя, и та общая, русская, которая и убила его, — только углубляли внутреннюю трагедію этой души. Для тѣхъ, кто вздумаетъ повѣрить, что если, молъ, Розановъ и былъ «когда-то» за евреевъ, то въ послѣдніе годы покаяться, измѣнился, перешелъ въ православіе и сталъ убѣжденнымъ гонителемъ евреевъ, — я приведу два свѣдѣтельства, два «выговариванья» его души:

«Услуги еврейскія, какъ гвозди въ руки мои, ласковость еврейская, какъ пламя обжигаетъ меня. Ибо пользуясь этими услугами, погибнетъ народъ мой, ибо обвиняемый этой ласковостью, задохнется народъ мой».

Не написано ли это послѣ «расскаянія», въ Лаврѣ? О, нѣтъ! До войны, въ самый разгаръ розановскаго «юдофильства», до Флоренскаго (умнаго и жестокаго лаврскаго священника, о немъ Розановъ сказалъ однажды: «въ немъ что-то ползучее...»). А что писалось-выговаривалось въ Лаврѣ, въ послѣдніе мѣсяцы жизни?

«Евреи — самый утонченный народъ въ Европѣ. Все европейское грубо, жестко по сравненію съ еврейскимъ... И вездѣ они несутъ благородную и святую идею «грѣха» (я плачу), безъ которой нѣтъ религіи... Они. Они. Они. Они... всунули въ руки пресловутому человѣчеству въ руки молитвенникъ: на, болванъ, помолись. Дали псалмы. И чудная Дѣва изъ евреекъ... Соціализмъ? Но вѣдь онъ выражаетъ мысль о братствѣ народовъ, и они въ него уперлись».

Что-же, перемѣнился Розановъ? Нѣтъ, онъ вѣрнѣе себя. Авторъ берлинской книжки не приводитъ, конечно, этой предсмертной цитаты. Ему нужна одна первая. Ему нуженъ Розановъ-юдофобъ; вѣрнѣе — нужна юдофобія, а повалось «имя», которымъ кое-какъ можно ее подпереть — тѣмъ лучше.

Порадуемся, что подобныя книги у насъ рѣдки. Слишкомъ все это чуждо не только розановской, но каждой русской душѣ.

Антонъ Крайній.

Annales de l'Institut Kondakov. (Seminarium Kondakovianum). IX, X. Praha, 1937, 1938.

Передъ нами два новыхъ выпуска «Семинарія». Одинъ изъ нихъ юбилейный, посвященный А. А. Васильеву. За 11 лѣтъ мы привыкли